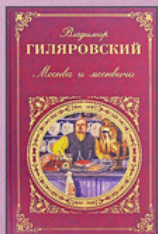

Владимир Гиляровский

Яркая жизнь

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский

Яркая жизнь

Серия «Люди театра»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172966

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«Из всех театральных знаменитостей моей юности дольше других оставалась в живых А. А. Бренко. На моих глазах полвека сверкала ее жизнь в непрерывной борьбе, без минуты покоя. Это был путь яркой кометы, то ослепительной в зените, то исчезающей, то снова выплывавшей между облаками и снова сверкавшей в прорывах грозových туч...»

Владимир Гиляровский

Яркая жизнь

Из всех театральных знаменитостей моей юности дольше других оставалась в живых А. А. Бренко. На моих глазах полвека сверкала ее жизнь в непрерывной борьбе, без минуты покоя. Это был путь яркой кометы, то ослепительной в зените, то исчезающей, то снова выплывавшей между облаками и снова сверкавшей в прорывах грозowych туч.

В последний раз она особенно ярко сверкнула в 1924 году и затем стала угасать.

Я видел ее полвека назад в зените славы, видел ее потухающей и отгоревшей. Газеты и журналы 1924 года были полны описанием ее юбилея. Вся ее деятельность отмечена печатью, но меня, связанного с ней полувековой ничем не омраченной дружбой, неудержимо тянет показать кусочки ее творческой жизни.

Отметить юбилей А. А. Бренко собрались ее ученики, делегаты от рабочих организаций, члены драмкружка Пречистенских рабочих курсов. В переполненных ложах красные платочки, рабочая молодежь и красноармейцы.

Она, старушка, в ореоле седых волос, с еще свежим, добродушным лицом, сидит в кресле на сцене, принимает приветствия. Всерабис командировал театрального рецензента Э. М. Бескина. После блестящей речи он оглашает постанов-

ление Наркомпроса о даровании Анне Алексеевне Бренко звания заслуженной артистки.

Еще не успели отзвучать аплодисменты, как перед ней появляется молодой рабочий с целой охапкой цветов и кладет их к ногам юбилярши...

Одна депутация сменяет другую. Я чествую моего старого друга, вспоминая нашу молодость, в стихах:

...Десятки лет назад
Ей поклонялись две столицы,
В кружке блестящей этой жрицы
Встречал я знаменитых ряд:
Тургенев, Достоевский и Островский,
Успенский Глеб, Потехин Алексей,
Полонский, Юрьев, Михайловский,
Плещеев, Рубинштейн... Бывали все у ней.
Глаз Чехова, мерцающий и зоркий,
Глядит в восторге с высоты галерки
На сцену, где Далматов и Бурлак-Андреев,
Козельский, Писарев, и Глама, и Киреев,
Где Южин, юноша тогда, с студенческой скамьи
Уж крылья расправлял могучие свои,
И помню я ее в тяжелые години,
Когда она была еще так молода,
Но в волосах снежились горькие седины,
Свидетели борьбы, и горя, и труда.
И знаю я ее среди рабочих,
Когда она им об искусстве говорит.

Каким восторгом блещут слушателей очи,
Как старый голос молодо звучит!
Зовет народ из мрака к просвещенью,
К познанию истины, добра и красоты,
Себя ты отдала народному служенью,
В твоих учениках живут твои мечты.

Первый раз я увидел А. А. Бренко в пасхальную заутреню при мерцающем свете, на миг ярко освещенную вспышкой бенгальского огня, – и первая мысль была:

«Ай да Вася! Какую красавицу подхватил!»

Она шла под руку с прихрамывавшим В.Н. Андреевым-Бурлаком, который сразу узнал меня и отрекомендовал своей даме, спросив раньше, откуда я приехал.

– Из Пензы, места искать, – ответил я.

– Значит, вы чужой в Москве? Ну, так пойдете к нам разговляться и будете наш. Поступайте ко мне в театр. Сто рублей в месяц устраивает вас?

Пришли пешком в Петровские линии. Квартира в бельэтаже роскошная, обстановка чудесная, дорогие картины. Столовая блестит серебром и хрусталем, расцвечена крашеными яйцами и букетами в вазах. Общество все было в сборе, и ждали хозяйку дома.

После праздничных приветствий уселись за столом. Мужчины сверкали белоснежным бельем из-под черных сюртуков артистов и адвокатских фраков, а дамы, артистки, – роскошными модными платьями и драгоценностями. Только

старуха Е. Ф. Красовская по-старинному была гладко причесана, и на ней была накинута настоящая персидская шаль, как я узнал потом, огромной цены, а на груди старомодного шелкового платья сверкала бриллиантами золотая лира, поднесенная ей в один из провинциальных бенефисов. Рядом с ней ее муж, второстепенный артист, всегда приглашавшийся на хорошее жалованье благодаря жене, которая с ним не расставалась.

– Красовская шестьсот и хвост полтора – итого семьсот пятьдесят, – шутя считал, просматривая список жалованья, муж А. А. Бренко, Осип Яковлевич Левенсон, красивый, с черными баками, модный присяжный поверенный и лучший музыкальный критик того времени, работавший в «Русских ведомостях».

– Писарев восемьсот и привесок семьдесят пять... Это недорого, – улыбался он, читая дальше список.

Знаменитый Модест Иванович Писарев, лучший Несчастливцев, и Ананий Яковлев, игравший вместе со своей первой женой П. А. Стрепетовой «Горькую судьбину», подняли пьесу на такую высоту, какой она не достигала даже в Малом театре. Если огромный, красивый, могучий Писарев был прекрасен в этой роли, то Стрепетова, маленькая, немного сутулая, была неотразимо великолепна.

Величественный Писарев за столом сидел рядом со своей новой женой – молодой красавицей, изящной А. Я. Гламой-Мещерской. И она и Стрепетова служили у А. А. Брен-

ко.

Рядом со мной сидел Василий Васильевич Васильев, крошечный, с черными кудрявыми волосами и маленькими черными глазенками, злобно и строго бегавшими из-под нависших бровей. М. И. Писарев всегда брал его с собой. Он служил всегда там, где служил Писарев.

В его кармане всегда имелись или свежие прокламации, или швейцарские издания, или последний номер «Народной воли», о чем знали только его друзья. Я с ним познакомился и подружился впервые еще в 1876 году, когда служил в Кружке, и не раз ночевал в его номеришке в «Чернышах», на Тверской.

Дружеская встреча с ним на разговенье у А. А. Бренко сразу подняла меня в глазах тех, кто знал Васю и кто знал, что он живет по паспорту клинского мещанина Васильева, а на самом деле он вовсе не Васильев, а Шведевенгер, скрывшийся из Петербурга во время обыска в Слепцовской коммуне в Эртелевом переулке. На месте того старого дома, где была эта коммуна, впоследствии А. А. Суворин выстроил огромный дворец для своей газеты «Новое время».

В. В. Шведевенгер во время ареста ухитрился бежать в Казань, встретился с Писаревым, а потом поступил на сцену вместе с ним, да так и остался выходным актером и вместе ярим пропагандистом. Он был связующим звеном между революционерами, ютившимися тогда в Петровском-Разумовском, и избранной компанией А. А. Бренко, которая

щедро давала средства на помощь политическим заключенным и ссыльным.

Из присутствовавших за столом немногие знали о революционной деятельности Шведевенгера: из труппы – только Писарев, Стрепетова, Глама, суфлер Н. А. Корнев; а из гостей – С. А. Юрьев, седобородый, волосатый, подслеповатый, похожий на невыспавшегося Зевса переводчик пьесы «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега, нотариус И. А. Маурин – свой человек при театре Бренко, другой нотариус, Орлов, бежавший впоследствии в Швейцарию в связи с «первым марта», и адвокат Иогихес.

Знал еще о Васильеве Ф. А. Корш, товарищ О. Я. Лавенсона с университетской скамьи, и, конечно, знал В. Н. Андреев-Бурлак.

Обо всем этом я услышал позднее, а теперь Вася меня знакомил в тихом разговоре с окружающими.

К одним – поклонение, к другим – злоба, причем глаза его свирепо смотрели.

Он улыбнулся, указывая на худощего, длинного, вечно вышучивавшего его актера Матрозова, и окрестил его:

– А это самарский голод!

От него я узнал о происхождении Пушкинского театра, который Бренко из скромности назвала на афише: «Театр близ памятника Пушкина». Он перечислял имена, рассказывал, что в середине семидесятых годов, перед турецкой войной, в Московском университете кончила юридический фа-

культет компания франтов, записалась в помощники к известным адвокатам и сразу засверкала ярким либерализмом, выступая на суде. Молодые, красивые, они вошли желанными гостями в барские и купеческие дома и в результате женились на богатых невестах. Так, Ф. А. Корш женился на Шевелкиной, Левенсон – на артистке Малого театра А. А. Бренко, дочери помещика Челищева, которая свой псевдоним взяла в память какого-то своего предка чуть ли не времен Александра Невского.

Один из этой группы юристов, Шацкий, открыл типографию во флигеле во дворе Пушкинского театра, где много лет печатался журнал «Будильник». Иогихес сделался юрисконсульт Малкиеля, который во время русско-турецкой войны был поставщиком обуви на Задунайскую армию, нажил миллионы и «зашуровал» на всю Москву. Он и купил сразу два дома-дворца на Тверской.

Один дом – на углу Козицкого переулка, где в двадцатых годах был знаменитый салон Зинаиды Волконской, у которой бывал Пушкин. Потом, по преданию, в этом доме «водились черти», а затем владелец его князь Белосельский-Белозерский продал его Малкиелю. Он купил его на имя своей жены Нины Абрамовны, которая, узнав, что в доме был салон княгини Волконской, тоже затеяла у себя салон, но, кроме адвокатов, певцов и артистов, на ее журфиксах, с роскошным угощением, никого не бывало.

Второй дом – напротив, на углу Гнездниковского переулка

ка, где тоже, по легендам, «черти водились», когда там был зверинец Крейцбурга.

Нина Абрамовна скоро уехала в Париж.

– В золотой карете там ездит! В газетах об этом пишут, – заговорили по Москве.

Во время журфиксов у Нины Абрамовны Иогихес познакомил Малкиеля со своим другом Левенсоном и его женой Бренко, которая в пассаже Солодовникова открыла свой театр и сразу, благодаря замечательно составленной Андреевым-Бурлаком труппе, стала успешно конкурировать с Малым театром: сборы были прекрасные.

Иогихес уговорил Малкиеля выстроить театр для Бренко. Пока Нина Абрамовна каталась по Парижу в золотой карете, старый нувориш, скучавший без журфиксов, весь отдался постройке театра, пригласив руководителем строительства известного архитектора М. Н. Чичагова. Вскоре вместо дома, где «водились черти», вырос роскошный театр. Мраморная лестница. Бронзовые золоченые перила, азиатские ковры, статуи в фойе, прекрасная сцена и зрительный зал. Так создался театр, который печать величала «Пушкинским», а вся Москва и вся провинция называла «Театром Бренко».

Безумные деньги тратились на труппу. Актеры получали неслыханное до сих пор жалованье. Обстановка и костюмы стоили сумасшедших денег. Огромные сборы не покрывали расходов. Их оплачивал увлекавшийся театром Малкиель, еще пока не знавший счета нажитым в два года войны мил-

лионам. Но, наконец, Нина Абрамовна вернулась к Москву, и снова начались, но только раз в неделю, журфиксы. Приглашались уже только «первые персонажи».

Преобладали черные фраки адвокатов, защитников гостей салона, нуворишей в прошлом и будущем. Лилось шампанское. Бывший колонный зал Зинаиды Волконской уцелел, как был при ней, а наружный фасад дома был обезображен Малкиелем. Его изуродовали двумя огромными балконами, выходящими на Тверскую и изображавшими собою раковины с волнами лепных украшений.

Но, должно быть, подрядчик-строитель скопеечничал и произвел лепку из плохого материала. Как-то в один из журфиксов, когда по Тверской еще гуляла публика, пировавшие были испуганы грохотом падения кирпичных массивов и затем криками ужаса и стонами раненых: лепные украшения балкона рухнули на проходивших.

На другой день жадные тогда на сенсации газеты в подробностях сообщали о несчастном случае на Тверской, а воскресный фельетонист одной борзой газеты озаглавил свое произведение: «Дом из бумажных подметок». Он рисовал картины переходов по снежным Балканам войск в развалившихся сапогах: бумажные подметки отвалились, ноги отморожены, лазареты полны... Чего-чего уж тут не упоминалось! И в результате новое следствие. Адвокаты дождались работы... Тысячные взятки... Кредиторы, появившиеся за время безумных трат, пристали с ножом к горлу... Пошли

взыскания. . . Дом, где помещался театр, был продан. Полные сборы театра А. А. Бренко не окупали производившихся расходов, и театр сразу прогорел.

А. А. Бренко осталась без копейки. Имущество мужа было описано за долги. Левенсон снова весь ушел в свою адвокатскую и литературную работу в «Русских ведомостях», продолжая выплачивать наседавшим кредиторам долги по театру.

Умер О. Я. Левенсон, окончательно замученный кредиторами. У А. А. Бренко было два сына. Младший сын, Володя, учился в гимназии, потом окончил Московский университет, стал присяжным поверенным, но его клиентура была небогатая, и он перебивался с трудом.

Я помню одну его блестящую защиту в 1907 году, где его подзащитным-рабочим, привлеченным по политическому делу, грозили каторжные работы, но он на суде добился полного оправдания всех. После революции он продолжал свою деятельность в коллегии защитников, но вскоре умер.

Старший сын, Жозя, был с детства ненормальный и доставлял много страданий Анне Алексеевне. Ненормальность перешла в буйное помешательство, и он умер во время одного припадка на руках матери.

После блеска московской жизни обстоятельства забросили А. А. Бренко в Киев, где она с несокрушимой энергией принялась за новую театральную-педагогическую работу. Результатом был выпуск ряда замечательных артистов. Извест-

ный режиссер А.П. Петровский был ее учеником.

Какую блестящую биографию можно написать о А. А. Бренко! Ее жизнь – тема для захватывающего романа.

* * *

Времена Пушкинского театра... И. С. Тургенев, А. Н. Островский, С. А. Юрьев, профессора, ученые, музыканты, артисты окружали Анну Алексеевну, бывали у нее в квартире.

За это время она стала известна и сама как драматург: восемь пьес ее шли на сцене. К ней приходили люди нуждавшиеся, и никому, пока у нее были средства, отказа не было. В ее гостиной устраивались вечера в пользу политических ссыльных, она много помогала учащейся молодежи.

* * *

А. А. Бренко как-то всегда жила на много лет вперед и доказала это своим последним трудом: созданием первого рабочего театра и первой рабочей бесплатной школы сценического искусства.

Зимой в 1905 году на сцене Художественного кружка ею была поставлена «Гроза», исполнителями которой были рабочие с заводов, все ее ученики, подготовленные за год в ее

школе. Только Кабаниху она играла сама.

С огромным успехом прошел спектакль, и с той поры эта труппа, все пополняемая новыми учениками, исключительно из рабочих, начала играть по московским окраинным театрам, на фабриках и заводах. А студия под ее управлением давала все новые и новые силы.

Грянула революция. Нахлынула Гражданская война, и шестидесятипятилетняя Анна Алексеевна Бренко со своей рабочей труппой в продолжение трех лет обслуживает Павелецкую железную дорогу, от Москвы до Раненбурга, работая неустанно с людьми и для людей, которым она отдает все свои силы.

После долгого перерыва я увидел Анну Алексеевну в 1921 году. Она жила в одной из комнат той же квартиры в переулочке близ Смоленского рынка, где еще недавно была ее рабочая студия.

Тогда в большом ободранном зале была небольшая сцена, на которой я застал ее, репетировавшую со своими учениками, сплошь рабочими, «На дне». Пьеса была показана в театре бывш. Корша в день празднования ее полувекового юбилея в 1924 году.

В последний раз я застал ее лежавшей на кровати. Она ласкала любимую кошку.

– Анна Алексеевна, узнали?

– Милый Гиляй, как же тебя не узнать? Слышу твой голос, а тебя не вижу, я совсем ослепла. Подойди сюда, поцелуй

меня.

Мы расцеловались. Пошли воспоминания. Я принес ей папирос, коробку мармелада.

– Мармелад. Все-то ты помнишь. Помнишь, что всегда это было мое самое любимое лакомство... Помнишь, как мы чаек с мармеладцем пивали у Соломенной сторожки?

Не забыл.